

Интерпелляция латгальцев принята.

(Засѣдания Учредительнаго Собранія 27 мая 1921 г.)

Вотъ уже третій день, какъ продолжаются пренія по поводу внесеннаго латгальцами запроса о беззаконіяхъ при проведеніи аграрной реформы въ Латгаліи. Однако, большинство ораторовъ, которое имѣетъ съ Латгаліей сравнительно мало общаго, воспользовалось случаемъ, чтобы высказать свое мнѣніе объ аграрной реформѣ, вообще. Что касается латгальскихъ депутатовъ, то они обливаютъ грязью другъ друга, приписывая всѣ имѣющія мѣсто въ Латгаліи нежелательныя явленія, именно, своимъ противникамъ.

Рѣчь Трасуна.

Фр. Трасунъ (латг. христ. п.) полагаетъ, что интерпелляцию надо было предъявить Учредительному Собранію, ибо оно при принятіи закона аграрной реформы установило, что имѣнія могутъ быть и не отчуждаемы и, такимъ образомъ, представило правительству обширныя полномочія. Кроме того, создано безчисленное количество инстанцій, которыя завѣдуютъ раздѣломъ земли, и органы, на мѣстахъ противодействуютъ центральному органу. „Кто въ этомъ виновать?“ спрашиваетъ ораторъ. „Мы сами, ибо мы хотѣли все забрать въ свои руки; быть въ одно и то же время законодательнымъ и административнымъ учрежденіемъ“. Ораторъ доказываетъ, что введеніемъ интерпелліаціи латгальская крестьянская фракція сама себя высѣкла. Во первыхъ, министръ земледѣлія Цѣлмишъ прошель въ Учредительное Собраніе по списку латгальской крестьянской фракціи. Далѣе, въ центральномъ землеустроительномъ комитетѣ большинство составляется изъ членовъ латгальской крестьянской фракціи. Кроме того, департаментъ по латгальскимъ дѣламъ, во главѣ котораго находился членъ латгальской крестьянской партіи, проводилъ интересы этой партіи, но никовъ образомъ не интересовъ всей Латгаліи. Вообще, говоритъ лидеръ латгальской христіанской фракціи, Трасунъ, дѣятели изъ латгальской крестьянской партіи для Латгаліи ничего не сдѣлали; этимъ и объясняется возникновеніе всѣхъ беззаконій, а потому интерпелляцию надо было предъявить латгальской крестьянской фракціи, что послѣдняя и сдѣлала, предъявивъ интерпелляцию косвенно самой себѣ. Но дѣло въ томъ, что интерпелляция была внесена только для того, чтобы хоть что-нибудь противопоставить упрекамъ своихъ избирателей, недовольныхъ ихъ тактикой и дѣйствіями.

Рѣчь Паберза.

Деп. Паберза (латг. крест. с.) разбираетъ интерпелляцию и пытается доказать ея обоснованность. Между прочимъ, ораторъ напоминаетъ социаль-демократамъ, что въ мартѣ и апрѣлѣ латгальцы вели съ ними переговоры о составленіи кабинета; соглашения, однако, по этому вопросу достигнуть было

невозможно, т. е. с. д. выставили совершенно непріемлемыя требованія. Въ незаконныхъ дѣйствіяхъ министерства земледѣлія ораторъ винитъ товарища министра земледѣлія, Туркупола, которому министерствомъ переданы всѣ земельныя и лѣсныя дѣла Латгаліи и который является товарищемъ по партіи Фр. Трасуна. Послѣдній же выступаетъ противъ интерпелліаціи потому, что въ репрезентируемомъ имъ „блокѣ“ находится такъ; представители латгальскихъ помѣщиковъ; поэтому Фр. Трасунъ и вынужденъ защищать ихъ интересы.

На раздавшійся возгласъ со скамей с. д. ораторъ отвѣчаетъ, что латгальская крестьянская фракція будетъ голосовать за или противъ правительства, въ зависимости отъ отвѣта правительства на внесенный запросъ, который ораторъ не беретъ предвидѣть, хотя онъ и сомнѣвается, сумѣетъ ли отвѣтъ министра земледѣлія удовлетворить интерпеллянтовъ.

Рѣчь Весмана.

Соц.дем. Весманъ выступаетъ противъ д-ра Шимана и подробно останавливается на исторіи заселенія Курляндіи нѣмецкими колонистами. Колонизація началась съ 1907 года и въ промежуткѣ времени съ 1908 до 1912 года въ страну переселилось 25,000 колонистовъ. Въ началѣ работа по дѣлу колонизаціи происходила болѣе или менѣе тайнымъ образомъ, но во время оккупации эта дѣятельность производилась открыто, причѣмъ оккупационныя власти работали въ тѣсномъ контактѣ съ крупными землевладѣльцами; въ качествѣ агентовъ, уговаривавшихъ крестьянъ продавать свою землю и переселяться въ города, нѣкоторымъ образомъ дѣйствовали мѣстные пасторы. Такимъ образомъ, земельное общество на счетъ обездоленныхъ крестьянъ, сдѣлалось собственникомъ крупнаго количества земли. Протесты нѣмецкихъ представителей несправедливой и необоснованной. Въ 1906 году, когда, въ связи съ аграрными беспорядками, аграрный вопросъ былъ поставленъ на порядкѣ для губернскаго совѣта, въ которомъ участвовалъ и д-ръ Шиманъ, послѣдній въ газетѣ „Rigasche Rundschau“ высказался въ томъ смыслѣ, что требованія безземельныхъ въ состояніи вызвать только смѣхъ. Поэтому его частыя жалобы могутъ у насъ вызывать тоже только смѣхъ. Фактически колонистамъ несправедливостей не причинено, т. е. ихъ контракты относятся къ тому разряду, который, на основаніи аграрнаго закона, не подлежатъ автоматическому акцептированію. (Апплидисменты со скамей с. д.)

Рѣчь Замуэля.

Деп. Замуэль (народная п.) отвѣчаетъ д-ру Шиману по дѣлу выселенныхъ изъ имѣнія Априкенъ колонистовъ. Права нѣмецкихъ колонистовъ на землю не дока-

заны. Имущество имъ оставлено до выношенія ихъ подданства. При производствѣ измѣрительныхъ работъ колонисты вели себя враждебно по отношенію къ рабочимъ, бросая даже въ ихъ камни. Эти камни были колонистамъ косвенно вручены тѣми, кто ихъ увѣрялъ, что ихъ земля не будетъ отчуждена. Д-ръ Шиманъ по своему прошлому является „чернымъ рыцаремъ“ и не имѣетъ права выступать въ роли оскорбленной справедливости. Красное привидѣніе, которымъ постоянно пугаетъ правая сторона, не такъ близко, какъ ужасы „блока чернаго интернаціонала“. Это слѣдуетъ принять во вниманіе партіямъ, голосящимъ выѣзду съ этой группой. По поводу самой интерпелліаціи Замуэль заявляетъ, что, хотя латгальская крестьянская партія и способствовала вызванію интерпелліаціи дѣйствіями, ее все же слѣдуетъ принять.

Примѣръ Ллойд Джорджа.

С. д. Цѣлсуль спрашиваетъ депутатовъ Шимана и Фиркса, гдѣ они были въ то время, когда германскія оккупационныя власти притѣснили латвійскую школу. Ораторъ считаетъ неважнымъ, что скажутъ заграничней. Ллойдъ Джорджъ заключилъ торговый договоръ съ Совѣтской Россіей, которая лишила своихъ помѣщиковъ и промышленниковъ всего. Правныя партіи связаны съ меньшинствами болѣе глубокими интересами. Цѣлсуль возмущается нѣмецкими партіями, праздновавшими день 22 мая.

Деп. Кемпъ (латг. народн. п.) заявляетъ, что онъ въ 1905 году былъ социалистомъ, но ушелъ отъ социалистовъ, когда увидѣлъ, куда привели ихъ дѣйствія въ Россіи.

Отвѣтъ деп. Магнуса.

Деп. Магнусъ (нѣм. фр.) въ пространной рѣчи отвѣчаетъ на нападки ораторовъ слѣва. Указавъ, что колонисты являются, на основаніи гражданскаго права, собственниками приобретѣнныхъ ими земельныхъ участковъ, ораторъ заявляетъ, что центральный землеустроительный комитетъ выдалъ колонистамъ удостовѣренія, согласно которымъ они приравнены къ латвійскимъ гражданамъ и до разрѣшенія ихъ дѣла не подлежатъ выдворенію. „Развѣ“, спрашиваетъ ораторъ, нѣмецкіе депутаты не имѣли, на основаніи этихъ удостовѣреній центральнаго комитета права заявить колонистамъ, что они могутъ спокойно оставаться на своей землѣ? „Но затѣмъ, когда мѣстныя власти, продолжаетъ ораторъ, выступили противъ упомянутаго рѣшенія и выдворили колонистовъ, центральный комитетъ измѣнилъ свое рѣшеніе и распорядился о выдвореніи колонистовъ (Замуэль съ мѣста: комитетъ вправѣ измѣнять свои рѣшенія). Въ такомъ случаѣ, если вашъ комитетъ въ подобномъ важномъ вопросѣ въ состояніи измѣнять свои рѣшенія, то онъ дѣйствуетъ не по праву и закону, но занимается легкомысленной игрою судьбами людей.

Одиночество.

Худая компаньонка, иностранка,
Купалась въ морѣ вечеромъ холоднымъ
И все ждала, что кто-нибудь увидитъ,
Какъ выбѣжитъ она, полунагая,
Въ трико, прилипшемъ къ тѣлу, изъ прибоа.
Потомъ, надѣвъ широкое пальто,
Сидѣла на песокѣ и вѣла слезы,
А крупный пѣсь съ гремящимъ лаемъ пры-
далъ
Въ прибрежную сиреневую кипень
И жаркой пастью радостно кидался
На черный мячъ, который съ крикомъ „hop!“
Она швырала въ воду... Загорѣлся
Вдали маякъ лучистою звѣздой...
Сырѣлъ песокъ, взошла луна надъ моремъ
И по волнамъ у берега домаялся,
Сверкалъ зеленый глянецъ... На обрывѣ,
Что возвышался сады, въ свѣтломъ небѣ,
Чернѣла одинока скамья...
Тамъ постоялъ съ раскрытой головою
Писатель, пообѣдавшій въ гостяхъ,
Сигару покуривъ и, усмѣхнувшись,
Подумалъ: — „Полосатое трико.
Ее на зебру дѣлало похожей“.

(Н. Д.) Ив. Буницъ.

Далѣе, деп. Магнусъ обращается къ с. д. Цѣлсулю: „Мы 22 мая чествовали на кладбищѣ память нашихъ павшихъ героевъ, которые пожертвовали своей жизнью, чтобы освободить столицу нашей родины, Ригу. (Въ залѣ движеніе.) Жители Риги, а именно, всѣ жители, какъ нѣмцы, такъ и латыши, обязаны имъ вѣчной благодарностью. (Д-ръ Калныньшъ съ мѣста: „Вы чествовали нѣмецкаго майора Флетчера!“) Да, мы съ благодарностью вспомнили и майора Флетчера, побѣдоноснаго вождя освободительныхъ войскъ, балтійскихъ и латышскихъ. Вѣдь, и ваши войска, подъ предводительствомъ генерала Балодиса, находились подъ его командованіемъ; ваши добровольцы, хотя и въ значительно меньшемъ числѣ, вѣдь тоже принимали участіе въ освобожденіи Риги (въ залѣ сильное движеніе; непрерывно раздаются возгласы со скамей). То, повинимъ г. Цѣлсуля не вызываетъ въ немъ чувства благодарности къ балтійскимъ освободителямъ, меня не удивляетъ. Если же вы отказываете въ уваженіи другимъ, то это обращается на васъ самихъ“, кончаетъ г. Магнусъ, покидая трибуну.

Запросъ принимается.

Послѣ выступленія еще двухъ ораторовъ, запросъ латгальской крестьянской фракціи принимается 73 голосами (с. д. и центръ) противъ 12 голосовъ (правое крыло), при 12 воздержавшихся.

Секретаремъ оглашаются два вопроса правительству: объ улучшеніи положенія персонала Национальной оперы и Национальнаго театра и объ увольненіи 14 таможенныхъ чиновниковъ не-латышей.

Комиссія по военнымъ дѣламъ сдаетъ законопроектъ, по которому 22 июня, какъ день Венденскаго боя, считается праздникомъ. На этомъ засѣданіи закрывается. И. Т.

Дневникъ ген. Сухомлинова. 1914—1915.

Комментаріи.

Есть анекдотъ про одного подлватаго господина, который въ разговорѣ, кстачи и не кстачи, постоянно вставлялъ словечки... „я — патриотъ, я — сынъ отечества!...
Это козырянье патриотизмомъ такъ въ концѣ концовъ надобно себеѣдику „патриота“ что онъ, наконецъ, перебилъ „сына отечества“ и добродушно замѣтилъ: „... ну, какой ты, Иванъ Ивановичъ, сынъ отечества... ты просто сукинъ сынъ!“...
Это грубоваго и не совсемъ парламентское восклицаніе невольно вырывается при чтеніи дневника быв. военнаго министра Сухомлинова, предлагаемаго ниже читателямъ.

Что Сухомлиновъ гшетъ дневникъ, давно уже знали многіе, да и онъ самъ не дѣлалъ изъ этого секрета. И естественно, что дневникъ челоѣка, много лѣтъ составлявшаго украшеніе пресловутой „звѣздной палаты“, дававшего тонъ дворцовой камарилѣ, министра, легкомысленно взваливашаго на свои старыя плечи молодячагоса „мышиннаго жеребчика“, роковую тяжесть міровой войны, вызывавъ острый и животрепетущій интересъ.

Кто, казалось бы могъ продить свѣтъ на важнѣйшія историческія событія и дать ключъ къ отгадкѣ той трагедіи, которая, нависшій черезъ полгода военнымъ разгромомъ Россіи, привела страну къ революціи, такъ не Сухомлиновъ, одинъ изъ столповъ дворцовой военной партіи, мечтавшій закончить войну въ три мѣсяца съ финаломъ въ видѣ триумфальнаго въѣзда въ Берлинъ? Кто могъ бы вѣрнѣе и точнѣе назвать виновниковъ и причинъ національнаго позора, какъ не онъ, личный „другъ кесаря“ и нарестникъ Николая Романова?
Однако, чувство разочарованія охваты-

ваетъ читателя съ первыхъ же строкъ дневника и при всемъ нежеланіи сказать бидное слово, нельзя воздержаться отъ чувства возмущенія авторомъ и его произведеніемъ. Болѣе убогаго и болѣе ничемнаго примѣра совершенно не знаетъ литература историческихъ мемуаровъ, и даже самое плохое изъ всѣхъ мемуарныхъ матеріаловъ — „произведеніе“ слуги Мопассана можно признать классическимъ шедевромъ по сравненію съ дневникомъ военнаго министра великаго Россійскаго государства, передъ которымъ ежедневно закисвала вся Европа.

Не можетъ быть, именно, поэтому, тѣмъ болѣе интересъ представляетъ дневникъ Сухомлинова для историка, ибо онъ, этотъ бездарный дневникъ, будучи произведеніемъ интимнымъ, во весь ростъ рисуетъ отвратительную фигуру этого временщика, котораго бездарная русская исторія поставила во главѣ обороны государства. Идеальный дневникъ и прекрасный лакей въ роли военнаго министра — это такая гримаса, которую могла скорчить только „гнѣусная расейская дѣйствительность“, кабацкую дѣвку коронованная російской короной а курляндскаго коноха изъ Митавы сдѣлавшая сопростольнымъ правителемъ и диктаторомъ.

Полное отсутствіе не только микроскопическаго государственнаго сознания, но и абсолютная техническая и административная бездарность, положительное роковая узость кругозора, шкурный карьеризмъ, пресмыкательство передъ царемъ, мелочность дрянной, но властолюбивой природы; постоянное припаданіе къ ручкѣ и холопское заглядываніе въ глаза дарующимъ милости; легкомысліе; гипертрофированный эгоизмъ; патриотизмъ „постольку, поскольку“ — вотъ характеристика Сухомлинова, сдѣланная имъ лично въ дневникѣ, болѣе страшномъ и потрясающемъ, нежели обвинительный актъ военнаго суда Временнаго правительства въ августѣ 1918 года.

Не въ силу ли этихъ качествъ большевики такъ охотно въ свое время амнистировали стараго рамолика, съ добросовѣстностью слѣпого крога рывшаго аму Россіи, челоѣка, безъ управленія котораго оборо-

ной страны, Россія, можетъ быть, не была бы возведена на коммунистическую дыбу?..

Въ своемъ дневникѣ Сухомлиновъ пытается заставить полюбить его бѣленькимъ и доказатъ, что онъ былъ „сынъ отечества“. Но воистину, нужно обладать сухомлиновскимъ тактомъ, чтобы рискнуть на подобное, завѣдомо безнадежное предпріятіе.
Онъ, авторъ провокаціонной алармистской статьи, напечатанной въ „Биржевикѣ“ журналистомъ, провокаторомъ и охранникомъ Ржевскимъ, въ моментъ полной военной неподготовленности („Россія не хочетъ войны, но ея не боится“), въ іюнѣ 1914 г., когда подъ ногами буквально горѣла земля, ничего не находитъ интереснаго отмѣтить, кромѣ отличной погоды и парада юнкеровъ. Печатавъ провокаціонную статью и заирая Германію, онъ втайнѣ мечтаетъ быть „главоверхомъ“ и только изъ-за конкуренціи Ник. Николаевича боится, что „это кончится для меня скверно“. Уже въ первые мѣсяцы войны обнаруживается, что армія плохо снабжена и слабо вооружена, но военный министръ болѣе интересуется складомъ жены, грязью на какой то кухнѣ, цуканіемъ юнкеровъ, улыбками и милостивыми словами императора и... погодой.

Черезъ полгода, дѣйствительно, не хватаетъ снарядовъ, сербы просятъ о томъ же, а безпечный министръ, подобно Афанасію Ивановичу, отмѣчавшему день сѣденія дыни, отмѣчаетъ, когда его облакала в. кн. Марія Павловна, когда прѣехала изъ Крыма жена, какъ она понравилась, или инсинуируетъ на Гучкова, стремясь представить его, какъ германскаго агента: „Гучковъ распространяетъ слухи!...“
Даже прибывая въ ставку, въ эту лабораторію, священную для каждаго военнаго, когда катастрофа уже назрѣла, сибаритствующій министръ отмѣчаетъ пріятную погоду и мечтаетъ объ отдыхѣ: „Здѣсь для меня отдыхъ полный, дѣла мало...“
Наконецъ, катастрофа разразилась. Однако, и на этотъ разъ одинъ только талантливый министр не сознаетъ себя виновнымъ. Виновны всѣ, кромѣ него: „очевидная пропаганда нѣмцевъ черезъ жидовъ“; „рядъ негодяевъ съ Поливановымъ, Гучко-

вымъ, Португаловымъ заводятъ интриги, клевету, сплетни...“ „Петроградъ, очевидно, не русскій городъ...“ „Гучковъ основательно запускаетъ руку въ армію.“ „Ставка требуетъ сарядѣвъ, а сама наступаетъ, да еще черезъ горы...“ „Родзянко не можетъ успокоиться и все шельмуетъ...“
Но гибель арміи на Карпатахъ, военный разгромъ мало волнуютъ Сухомлинова, поэтому что „государь, попрежнему, милостивъ и ласково бесѣдуетъ со мной, докладомъ государь остался доволенъ“.
И даже предательство Мясоѣдова онъ рассматриваетъ только черезъ личную призму: „Прости его, Господи, за все то подлое, что онъ сдѣлалъ въ отношеніи меня...“

Гибель адм. Эссена, окруженіе ТиФлиса и др. тяжкіе факты вызываютъ лишь короткія, казенныя реплики: „обидно...“ „досадно...“
И также „обидно и досадно“ цитировать послѣдующія выдержки изъ дневника, ограниченнаго и тугого канцеляриста въ генеральскихъ погонахъ, мечущаго громъ и молніи за отставку и нашедшаго единственно подходящее ему занятіе въ видѣ рыбной ловли въ моментъ, когда нѣмцами была уже отхвачена ровно треть Россіи.

Предоставимъ, наконецъ, слово самому подсудимому...

НИЦ. БЕРЕЖАНСКИЙ.

Дневникъ 1914 г.

9 іюля. Красное Село. Обѣздъ лагеря. Зоря съ церемоніей. Австр. военный агентъ, принцъ Гогенлоэ, имѣлъ видъ челоѣка, готовящагося къ самоубійству. Ген. Апраксинъ обратилъ на это мое вниманіе. Чудная погода.
10 іюля. Красное Село. Парадъ при отличной погодѣ.
11 іюля. Совѣтъ министровъ. Австрія предъявила Сербіи ультиматумъ, завтра долженъ быть отвѣтъ къ 6 час. дня.